

Невеста

Автор:

[Карина Демина](#)

Невеста

Карина Демина

Мир Камня и Железа #1

Война закончилась, но в мире нет мира. И Оден, бывший пленник королевы Мэб, получает свободу, а с ней – шанс умереть от рук разъяренной толпы, ведь железных псов ненавидят на землях лозы. Его спасение и единственная надежда выжить – Эйю, альва-полукровка. С ее помощью получится пройти по заповедным тропам, добраться до перевала и избавиться от метки королевы. Для Эйю, вынужденной скрываться от охотников за живым товаром, Оден – обуза. Но дорога, разделенная на двоих, многое меняет. И неудобный спутник становится близким человеком, без которого невозможно представить ни дом, ни саму жизнь. Вот только многим союз альвы и железного пса покажется противоестественным.

Карина Демина

Невеста

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Знакомство

Пса я подобрала на рыночной площади.

Зачем?

Не знаю. Не смогла пройти мимо. Нет, я собиралась, я ведь не сумасшедшая с ним связываться, но...

Он стоял у позорного столба. В каждом из городков, которые встречались на моем пути, хотя в последнее время я обходила городки стороной, имелась рыночная площадь. А на ней, помимо торговых рядов, полупустых по нынешнему времени, – обязательный позорный столб или клетка.

Обычно у меня получалось не замечать тех, кому не повезло: имелись дела и поважнее. Да и не видела я особой радости в том, чтобы швыряться в приговоренных грязью. Сочувствия, впрочем, тоже не испытывала. Люди пусть сами с людьми разбираются.

Но пес... как он здесь оказался?

Явно из бойцовых. Высокий. Я и сама не маленькая, но псу едва ли до подбородка буду. А люди рядом с ним и вовсе карликами выглядят, поэтому и держатся на расстоянии, спешат, делая вид, что не видят его.

Пес просто стоял и переминался с ноги на ногу, точно не понимал, где находится. Крутил лобастой башкой, и видно было, как раздуваются ноздри, вбирая смрад рынка. И что запахов слишком много, но среди них – ни одного знакомого. Его глаза гноились, и пес трогал их руками, а потом тер шею,

раздирая и без того изъязвленный след от ошейника, касался волос, остриженных накоротко, и могу поклясться – поскуливал. Он был настолько жалок, что люди, прежде не посмевшие бы подойти близко, постепенно осознавали: вот он, слабый, беспомощный и никому не нужный.

Хорошая мишень.

Еще немного, и они осмелеют настолько, чтобы швырнуть в него грязью, благо грязи под ногами хватает. А чуть позже полетят гнилые овощи... и камни.

Кто-то, конечно, попытается остановить произвол, взывая к голосу разума, но его не услышат. Зато возможность отомстить, живая, явная, подтолкнет к единственному, как им кажется, верному решению. Слух о происходящем вытряхнет людей из нор и домов, приведет к площади, объединяя общей ненавистью, которую есть на кого выплеснуть.

Будут вилы. И косы. Возможно – костер, который разложат здесь же. Или не станут возиться с хворостом, плеснут на пса черного земляного масла и факел бросят. Он будет метаться, пока не напорется на вилы или, обессилев, не упадет, позволяя огню завершить то, что начали палачи королевы Мэб. Долгая и мучительная смерть в кругу, очерченном сталью.

Война, длившаяся больше четырех лет, окончена?

Да, здесь тоже слышали об этом.

И еще о том, что альвы оставили этот мир на растерзание детям Камня и Железа.

И что они сдержали клятву, отпустив всех пленных.

Королева Мэб любила шутить.

Что ж, как по мне, этот мир немного потерял с ее уходом. Но люди думали иначе, а быть может, и не думали вовсе, но желали лишь выместить на ком-то накопленные обиды и боль от потерь.

Я не собиралась вмешиваться.

Какое мне дело до пса?

До альвов?

До людей?

До этого места, одного из многих, которые мне пришлось увидеть?

Затерянный городок, опоясанный речушкой, что почти заросла тиной. Остатки стены. Городские ворота и устье центральной улицы, которая за площадью разбивается на ручьи переулков. Дома стоят тесно и порой срастаются водостоками, поверх которых хозяйки вывешивают белье, чем выше, тем лучше.

Мирное местечко, сонное. И война вряд ли что-то переменяла в обычном его существовании.

Настоящего голода здесь не знали.

И болезни обошли городок стороной, впрочем, как и дороги, по которым расползались беженцы и крысы. А что до остального, то статуя королевы Мэб, что возвышалась ныне перед дворцом бургомистра, сменится статуей Стального Короля. И этого хватит.

Впрочем, эмиссары еще не скоро доберутся до городка, и к этому времени прах несчастного пса успеет смешаться с грязью. Городская утроба и не такое переваривала. А жители, они забудут о том, что было, благоразумные ведь люди...

Стайка мальчишек, давно крутившаяся неподалеку, замерла в предвкушении, глядя на то, как вожак – самый крупный, самый наглый – приближается к псу. Шажок. Еще шажок... Вот что-то говорит, наверняка ласковое, потому что пес поворачивается к нему.

И получает тычок палкой.

Мальчишка отскакивает. Остальные хохочут.

Нет, Эйо, это не твоего ума дело. Иди куда собиралась и выброси из головы те глупые мысли, которые в ней сейчас появились.

Что меня остановило? Неловкий полудетский жест – пес пальцами собирал гной с глаз, моргая часто, точно из последних сил сдерживая слезы. А еще его взгляд. И растерянность в нем. И удивление. И глухая животная тоска: пес чувствовал, что скоро его не станет.

И я, проклиная себя за глупость, решила.

До позорного столба семь шагов. И еще один тычок палкой. Гаденыши примотали к ней нож, и острое взрезало серую хламиду и кожу, пустив кровь.

– Брысь! – сказала я, и мальчишка, осмелевший настолько, чтобы приблизиться к псу на расстояние вытянутой руки, замер. Он собирался ответить, дерзко, вызывающе, но увидел мои глаза.

Нет, я не альва, я только похожа, но вряд ли детям известны различия.

– Но это... – Мальчик опустил палку. – Это же...

– Это моя собака. Дай сюда.

Лезвие оказалось достаточно острым, чтобы перепилить веревку. Благо та была гнилой, а полагающейся по случаю таблички, которая бы разъясняла, за какие провинности положено наказание, поблизости не наблюдалось. Пса просто привязали, чтобы не убрел ненароком. Заботливые...

Он стоял, обнюхивая собственные ладони. И я не слышала в нем железа, ни живого, ни мертвого. Неужели до капли выплавили?

Ну да, иначе вряд ли бы веревка его удержала.

И люди не стали бы связываться.

На нас так старательно не обращали внимания, что я кожей ощущала, как уходит время. Город присматривался. И мне бы хотелось убраться отсюда прежде, чем он решит, что я не представляю опасности.

Взяв пса за руку – определенно бойцовский и очень хорошей крови, если на его ладони три моих уместить можно, – я сказала:

– Пойдем со мной.

Ногти содраны. Кожа в язвах... и отметины от ожогов тут же. Шрамов много, некоторые старые, побелевшие, другие розовые. Есть и открытые, свежие раны. Однако сами пальцы не сломаны. И лицо не изуродовано. Зубы посмотреть вряд ли позволит, но почему-то мне кажется, что и они целы.

Ему причиняли боль, но пытались сохранить более-менее целым?

Ладно, позже разберемся. Сейчас надо его с места сдвинуть.

– Пойдем. Я тебя не обижу.

Вряд ли он понимает смысл, но тон улавливать должен.

– Давай, мой хороший. Меня зовут Эйо. Радость. Это доброе имя, отец сам вырезал его на коре родового дерева...

...и запечатал собственной кровью, но спустя сутки имя исчезло.

Дерево не любило полукровок.

– Ты мне свое имя не скажешь, верно? Ничего страшного, главное, уйти отсюда. Найдем тихое местечко и поговорим. Ты и я.

Он слушал меня внимательно. И шел, слава лозе первозданной. Неловко, так, как ходят калеки или люди, слишком долго лишенные движения. А я думала, что даже сейчас он способен меня убить одним ударом лапы. И будь в здравом уме, убил бы.

Нас не пытались остановить. Шептались. Глядели вслед. И держались поодаль.

Повезло.

Площадь осталась позади. И улица, размытая вчерашним дождем. Стена. Ворота. Стражник, сунувшийся было наперерез. Я повернулась к нему и зашипела.

Отпрянул, свернув пальцы кукишем: наивная попытка защититься от проклятия.

За воротами – разъезженный и скрипучий мост через пересохший овраг. А там и дорога, с которой я благоразумно свернула. И уже на поле, заброшенном, поросшем молодым ивняком и высокой снытью, я позволила псу перевести дух.

– Устал? Это с непривычки. Долго тебя держали взаперти?

Не месяц и не два. Чтобы довести бойцового пса до такого состояния, нужно время и умение. Я слышала, что палачи ее величества весьма искусны, а времени, судя по всему, у них имелось с избытком.

– Хочешь пить?

Конечно, он хотел. Сколько он стоял на привязи? Час? Дольше? Местное солнце палило нещадно, даже у меня по спине струйки пота текли, что уж о нем говорить.

И воду почуял.

Подался вперед, потянулся к фляге, но отобрать не пытался. Поскуливал только.

– Подожди немного.

В последние недели я почти не тратилась, а фляга была невелика. Вода охотно отозвалась на просьбу. Разумеется, в чудо-зелье она не превратится – чудо-зелье вообще из человеческих сказок родом, – но боль приглушит и силенок хоть сколько, да прибавит.

– Возьми. – Я вложила флягу в руки, помогла сжать пальцы и поднести к губам. – Осторожно. Не спеши. Я не буду забирать. Это все – тебе.

Он пил жадно, но все же сдерживая себя. Не давился. Не расплескивал воду. Знает цену?

Ну да, пытки бывают разными. Это я на своей шкуре усвоила.

Осушив флягу, пес перевернул ее и вытряхнул последние капли на язык. О том, когда он в последний раз ел, можно было и не спрашивать.

– Больше нет? Ничего. Сейчас мы пойдем в одно место, там воды много. Целый ручей. И еще заводь есть. Напьешься вдоволь.

А я заодно попробую тебя отмыть и посмотрю, что еще сделать можно.

Лес встретил меня прохладой и дружелюбным шелестом.

– Я вернулась, – сказала я ему, касаясь шершавого листа.

И молодой вяз затрепетал, делаясь новостью с остальными: Эйо вернулась.

Это ненадолго.

Лес знал, что скоро я уйду, и печалился, роняя сухие серьги берез. Но у деревьев короткая память, и грустить подолгу они не умеют. Зато любопытны сверх меры. Тонкие ветки бересклета потянулись к моему спутнику, скользнули влажноватыми молодыми листочками по щеке и убрались.

...чужой... мертвый...

– Живой, – возразила я, покрепче сжимая руку, хотя вырваться пес не пытался. Он шел по узкой тропе, почти след в след, и черная мошकारа спешила на запах крови.

...мертвый.

Возможно, лес видел больше, чем я с моим осколком истинного дара, а быть может, ему просто хотелось, чтобы пес умер. Желательно здесь, в ложбине, укрытой прошлогодней листвой. Сквозь полог ее пробивалась трава, и серебристые стволы осин подымались колоннами к самому небу. Ветер дразнил деревья, и осины дрожали, перешептываясь.

...отдай. Здесь его не найдут.

Лес укроет тело надежно, опутает коконом корней, спрячет до весны и даже дольше. Пес большой, его надолго хватит. И старые деревья вновь наедятся досыта, чтобы через год или два пустить молодые побеги. Поросль схлестнется в схватке за место, солнце и остатки еды, и кто-то опять погибнет, чтобы стать пищей остальным.

Тот человек, который восторженно писал об альвах, называя источником их силы «чудесную магию самой жизни», явно предпочитал смотреть на листья. А корни, они ведь в земле, легко и не заметить.

...так надо.

Лес не оправдывается. И я знаю, что так надо, но пса не отдам.

...ему не будет больно.

– Отстань! – Я раздраженно хлопнула по кольчужному панцирю сосны. – Он просто измучен до крайности. Это же не повод, чтобы убивать.

И опять, зачем я спорила?

Оставить пса здесь, попросить прилечь и усыпить. Это я умею. А дальше лес и сам справится. Псу и вправду не будет больно, он умрет совершенно счастливым и... и, быть может, это наилучший вариант?

Милосердный в чем-то.

...слабый.

У леса своя логика. Слабые существуют для того, чтобы накормить сильных. И неважно, временная ли это слабость или врожденная, но в некоторые леса такой, как я, лучше не заглядывать. Нынешний же был слишком далеко от Холмов, и потому я чувствовала себя в полной безопасности.

И пса он не тронет. Тот брел за мной, отчетливо подволакивая левую ногу.

– Уже недалеко. Пришли почти.

Я устроилась в овраге с пологими склонами. Здесь было красиво: красная глина в решетке корней. Зеленая моховая грива. И толстое одеяло прошлогодней листвы. Деревья клонились друг к другу, почти соприкасаясь кронами, но не настолько, чтобы вовсе заслонить солнце. А по дну оврага пробирался ручей. Чуть ниже по течению вода собиралась в старой яме и была темной, кисловатой на вкус, но главное – в ней еще звучали отголоски силы. Я легко соскользнула, цепляясь за торчавшие из склона корни. Пес же попробовал пойти по моим следам, но оказалось, что он слишком тяжел и неуклюж.

Или слеп!

Как я сразу не поняла, что его чересчур долго держали в темноте. Он чуял овраг, воду, меня и поспешил. Споткнулся, полетел кувырком, по листве, по камням, под нею скрытым, а лес, пытаясь поймать законную добычу, торопился вытолкнуть острые ребра корней.

– Прекрати! – крикнула я лесу, который и не вздумал подчиниться.

На листьях остался кровавый след.

А пес, упав, лежал.

Живой. Я ведь чувствую, что живой, но сердце все равно колотится... Было бы кого жалеть, Эйю. Они-то небось тебя не пожалели бы. И не пожалеют, если найдут с этим.

Пес не шевелился. Замер, подтянув колени к груди, обняв руками. И голову в плечи вжал. Характерная поза. В лагере быстро учились принимать такую. Иногда помогало.

- Это я. Извини, что так получилось. Я не подумала, что ты не видишь. Ты цел?

Подходила я медленно, нарочно вороша сухие листья, чтобы он слышал голос. И сама же не спускала с него глаз. Если нападет, успею обратиться.

Наверное.

- Ну, все хорошо? - Я положила руку на загривок. - Упал. Это бывает. Это не страшно. А лес, он не злой...

Бурые листья прилипли к хламиде, к рукам, к шее, к волосам, впитывая драгоценный дар свежей крови. Она останется в лесу платой за ласку. Я же гладила своего пса по спине, пытаюсь понять, что с ним происходит.

Глупая Эйо снова переоценивает свои способности? Но паутинка аркана легла на плечи, и пес дернулся.

- Спокойно. Я просто посмотрю. Вдруг ты себе что-нибудь сломал?

Это вряд ли, конечно. Раны... и снова раны. И под ними тоже. Но это мелочи. Истощение? Странно было бы ждать иного. Мне не нравилось то, что я видела внутри пса: грузное, черное. Гной под пленкой молодой кожицы, та самая язва, что уходит в самую душу, и чем дальше, тем сильнее ее разъедает. А пес держится из последних сил, себя же калеча.

Он уже на грани. И я могу подтолкнуть.

Станет легче.

Вцепившись в его волосы, я дернула сколько сил было, запрокидывая голову.

А глаза не светло-серые, как показалось вначале, - бледно-голубые, того особого оттенка, который лишь у чистокровных встречается. И зубы стиснул, давит

всхлип.

Прости, но то, что я сделаю, нельзя сделать иным способом. Я провела по щеке, стирая грязь и кровь. Родинки... Точно, чистокровный, высших родов. И целым созвездием. Потом сосчитаю.

Я водила мизинцем от родинки к родинке, и пес успокаивался, чернота внутри оседала. Нет, нельзя ее оставлять.

- Дурак ты, - сказала я и ударила по губам. С размаху. Хлестко. Чтобы разбить, чтобы причинить боль той рукой, которая только что гладила.

И глаза его сделались почти белыми. Гной рванул и... вырвался. Он выходил со слезами, с судорожными всхлипами, с воем, который рвал мне душу.

- Плачь. - Я притянула его к себе, обняла как умела. Прижала тяжелую голову к плечу. - Прости меня... ну прости, пожалуйста. Я больше не буду так делать. Честно. Но надо было, чтобы ты заплакал.

Я раскачивалась, как делала мама, когда хотела меня убаюкать. Правда, я была маленькой, а пес - огромным, но он раскачивался вместе со мной, не делая попыток вырваться.

- Ты же давно не плакал? Что бы они ни творили... Мама мне говорила, что высшие - все гордецы... и упрямы... и слезы иногда нужны, чтобы легче стало. Здесь тебя никто не увидит, а я никому не скажу. Я и сама забуду. Да и ты вряд ли вспомнишь, но это тоже не страшно. Я кое-чего не помню и не буду пытаться вспомнить, потому что если забыла, то оно и к лучшему.

Я гладила его по жестким волосам, уговаривая отдать слезам все - боль, которую ему пришлось вынести, страх, стыд... мало ли что накопится в душе у того, кто вышел живым из-под Холмов.

Плачь, пес, плачь.

Я не знаю, что именно тебе пришлось пережить, но сама я научилась дышать заново, только отдав долг сердца слезами. Долго ли мы так сидели? Да и какая

разница. В конце концов пес затих – внутри не осталось черноты. Душа выеденная, но без гноя, и если повезет – если очень-очень повезет, – то потихоньку зарубцуется.

– Прости, – еще раз попросила я, отпуская его. Сама же стерла слезы со щек и провела ладонью по лопнувшей губе. Здорово же я ее разбила...

– У меня... – Голос у пса оказался глухим, надтреснутым. – У меня есть невеста. Во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы мягки и душисты. Ее очи – бездонные озера, забравшие душу мою. Рот ее – россыпь жемчуга на лепестках розы. Стан ее тонок, а бедра круты...

Он улыбнулся счастливой улыбкой безумца. А я позавидовала псу: его хотя бы ждут.

Глава 2

Оден

В последний раз Оден плакал на похоронах матери.

Совсем еще щенок, и семи лет не исполнилось, такому простительны слезы. Но отец, положив тяжелую руку на плечо, сказал:

– Веди себя достойно, Оден. Какой пример ты брату подаешь?

Виттар, до того момента молчавший, – он был слишком мал, чтобы понять, что происходит, – и вправду зашмыгал носом. Обеими руками вцепился в куртку Одена.

– Слезы – удел слабых. Будь сильным, – повторил отец позже.

Те его слова помогли выжить пять лет спустя в Каменном логе, где рудные жилы подходили к самой поверхности земли, открываясь черными окнами, и близость

живого железа, дикого, ярого, будоражила кровь.

Оден помнит бурую равнину, расшитую огненными реками, и утробный вой подземных горнов. Трещины, из которых выплескивалось пламя, и зов его – подойти, окунуться, очистить себя. Живое железо стремилось к материнской жиле. И всего-то надо было устоять.

Смирить себя и железо в себе.

Оно прорывалось, раздирая кожу шипами и иглами, складываясь причудливыми кольчужными узорами, меняя само тело, которое больше не принадлежало Одну. И, распластаный под тяжестью полной брони, он готов был разрыдаться от бессилия.

Ипостаси сменяли друг друга.

А кто-то совсем рядом выл от боли, отдирая прикипевшие к базальту ладони, неспособный справиться с силой рода. Врир выплясывал на белом камне. На руках его пузырилась кожа, сгорала, а он, безумный, раздувал пламя. Оден пытался добраться до друга – тогда еще оставались друзья, – звал, полз, постепенно подымаясь на ноги, которые уже и не были ногами.

И железо прервало каскад перемен, заперев в новом обличье.

Изменившееся тело было слишком чужим. Тяжелым. Неподатливым. Оден путался в лапах и кричал. Но что его голос против того, который звучит внутри, призывая окунуться в черное окно?

Руда к руде.

Железо к железу.

Кровь к крови.

Врир, в последний миг словно очнувшийся, повернулся, протянул руки, которых уже не было – ошметки плоти на белых костях, – зарыдал. И слезы вскипели в глазах.

Удел слабых – умереть.

И каждый год в Каменном лого оставались те, кто неспособен был совладать с предвечным зовом. Иные же, переплавленные, пережженные, становились сильнее.

Два дня остывала подаренная рудой броня.

– Слезы – удел слабых, – сказал Оден брату, когда настал его черед. И пять дней не находил себе сна и покоя, терзаясь мыслью, что Виттар не выстоит.

Все злее становились рудные жилы, все большую цену брали с Великих родов.

И Оден пялился на родовой гобелен, опасаясь отвести взгляд хотя бы на мгновение, – вдруг да погаснет тонкая золотая нить на нем, одна из двух, оставшихся от некогда великой жилы. Кусал губы. Давил страх.

Обошлось.

Тогда и шестью месяцами позже, в первом бою, когда стоял на скользком берегу реки, вжимаясь во влажный ил... Наплывал туман. С мерзким звуком рассыпалась земля, выпуская ловчие плети. Беззвучно разворачивались колючие гроздья разных цветов, чтобы в следующий миг лопнуть. Визжала сталь, взрезая доспех, впиваясь в деревянные щиты. И скользила под прикрытием дождя призрачная конница. Оден же слышал хриплое дыхание такого же, как сам, первогодка. И мерный рокот барабанов. Удары копыт. Удары сердца. Просто удары, гулом отзывавшиеся в теле. Живое железо защитило слабую плоть.

Визг лошади, грудью налетевшей на копьё. Она колотила копытами, норовя подмять Одена под себя, а он умирал от ужаса – вдруг да не выдержит доспех. Давился первой горячей кровью.

Рвал.

Полз, оставляя в тине глубокий след.

И откатывался по зову рога, когда вода стала серой: альвы пустили гниль.

Потом скулил, зализывая первые раны. И помогал хоронить мертвецов.

Привыкал.

Год за годом. Битва за битвой. Удар за ударом... сколько было? Вся жизнь до крепости Гримхольд и той ночи, когда дети лозы перешли реку. Туман предрассветный и зыбкие тени, неразличимые глазом. Запах тины, гнилостный, тяжелый. И понимание: не выстоять.

Снова страх – в Гримхольде гарнизон на две трети из щенков, только-только служить начавших. Они, еще недавно ощущавшие себя хозяевами мира, вдруг поняли, что умрут. А жить хотелось. Бежать. Лететь прочь, неважно куда, лишь бы не слышать шелеста листвы да заунывных напевов свирели. Дети тумана знали, как и когда ударить.

За стеной Гримхольда – Перевал. А дальше – долина, новорожденная жила, которую так легко убить, и Стальной Король, оставшийся, чтобы жилу привязать. Ему нужна была неделя. Три дня прошло. Осталось четыре.

И Оден приказал держаться. И держались.

Сколько смогли.

Умирили один за другим. Цеплялись за жизнь, но все равно уходили слишком быстро. И Оден решился запереть Перевал. Выложился до капли, но вытянул на поверхность ярую жилу.

Надеялся, что и его накроет, спрячет под потеками лавы и камнепадами. Хорошая смерть, о таких поют. Но уйти не получилось: живое железо не пожелало отпускать. И, лежа в луже собственной крови, слушая, как визжат и лопаются камни, не выдерживая жара, Оден жалел, что так и не дописал то письмо брату. Но не плакал.

...когда открыл глаза и увидел Норра, оруженосца, которому едва исполнилось пятнадцать весен, распятого на решетке.

...когда услышал, как поет живое железо, покидая жилы.

...когда оглох от крика того, кого клялся защищать.

...и когда сам занял его место.

...когда выл, пытаюсь освободиться, сгорая и зная, что не сгорит – не позволят.

...когда лишался остатков силы, капля за каплей, день за днем.

Долго ли? Долго. Наверное. Времени там не было, только глубина, сотканная из темноты и боли. Собственное его падение, когда грядущая смерть уже видится наградой. Но слезы – удел слабых. И Оден держался.

Потом его вывели и сказали:

– Стой здесь.

Он ослеп и оглох. Ошалел от запахов. И растерялся. Ямы больше не было, как и железной решетки сверху, стражи и королевы Мэб, но и его тоже, такого, который смог бы уйти. Оден забыл, как ходить. И как искать дорогу.

Наверное, он все-таки умер бы, но кто-то, пахнувший серебром, вереском и медом, сказал:

– Пойдем со мной. – За руку взял. Пообещал: – Я тебя не обижу.

Куда-то повел. Дал воды – Оден не знал, что хочет пить. Говорил так, что Оден, не понимая слов, готов был слушать.

Эйо.

Радость.

Женщина, которая прикоснулась с нежностью, с лаской. А потом ударила. Не больно, бывало куда как хуже, но его опять обманули...

– Прости меня... ну прости, пожалуйста. – Она обняла, держала, убаюкивая, прижав к себе. – Я больше не буду так делать. Честно. Но надо было, чтобы ты заплакал.

Слезы – удел слабых. Но Оден рыдал, как щенок, впервые оставшийся без мамки.

– Прости. – Она отстранилась.

Дурманил запах серебра, вереска и меда.

...тумана.

Плесени.

Болота.

Холодного огня, который рождался на белых камнях сам собой. И сквозь его завесу проступало лицо королевы Мэб, совершенное в каждой своей черте.

Высокий лоб. Темные волосы, уложенные в замысловатую прическу. Корона Лоз и Терний. И четыре рубиновые капли на виске, оттеняющих белизну кожи. Глаза – чистая зелень Холмов.

Алые губы.

– Ты еще жив, пес? – Ледяные пальцы касаются шеи, скользят, и серебряные чехлы для ногтей вспарывают кожу. Королева Мэб подставляет под красный ручеек руку. – Ты жив, потому что я добра.

В ее глазах нет доброты. Впрочем, в них нет и гнева или отвращения. Ненависти. Страха. Сомнений. Радости. Тоски. Обиды. Ничего. Зеленое стекло в оправе раскосых глазниц.

– От тебя отказались, пес. – Она подносит ладонь к губам. – Я не просила много, но за тебя не дали и малости...

Ложь. Если бы так – убила бы.

– Ты не нужен своему королю. – Острый язычок касается мизинца, скользит по серебряному плетению, бирюзовым вставкам, синим искрам сапфиров, очищая их от крови. – Ты не нужен своей семье.

Ложь.

– Так скажи, – королева Мэб жмурится от удовольствия – кровь вкусна, – зачем мне оставлять тебя в живых?

Она знает ответ, она слышала его тысячу раз, а возможно, и больше, но ей не надоело спрашивать. И раскаленное железо, мертвое, забывшее о родстве, подкрепляет просьбу.

– У меня... – Оден вдруг понял, что способен говорить. Не кричать, не выть, не скулить, но произносить слова, пусть бы те самые, которые он повторял там, под Холмами. – У меня есть невеста. Во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы мягки и душисты. Ее очи – бездонные озера, забравшие душу мою. Рот ее – россыпь жемчуга на лепестках розы. Стан ее тонок, а бедра круты...

– А у меня брат... – ответили Одену. – Только я не уверена, захочет ли он меня видеть.

И у него.

Брат есть. Дом. Жизнь. Уже много.

Зачем она руку убрала? Рядом же стоит. Оден чувствует запах, тот самый, серебра, вереска и меда.

Еще смолы. Свежей древесины. Листьев. Прели. Близкой воды. И того железа, которое способно ранить. Кожи. Болота. Ямы и гноящихся ран – это от него.

– Ты ничего не видишь, я правильно поняла?

Он различает слова. И смысл их ясен.

– Это бывает, если слишком долго в темноте пробыть. Зрение вернется. Не расчесывай шею! – Его руку перехватили. – Так только хуже будет. Веревку надо снять.

Ее голос был таким мягким, нежным...

Нельзя верить нежным голосам.

– Видишь, пес, как я добра. – Руки королевы снимают ошейник. – Ты никому не нужен, но я тебя отпущу... быть может.

Шеи коснулся холодный металл. И Оден, зарывав, бросился на врага.

Ну вот, следовало ожидать.

Мне повезло. Он был ранен. Истощен. И слеп. Напуган и растерян. А я двигалась достаточно быстро, чтобы увернуться от удара.

Не надо было с ножом лезть, подумаешь, узел тугой, как-нибудь да справилась бы.

Пес, встав на четвереньки, вертел головой, пытаясь уловить мой запах. А лес с любопытством наблюдал за происходящим. В конечном итоге лес примет и мое тело.

...он крупнее.

Да, на дольше хватит.

Попытавшись сделать шаг, пес наступил на хвост веревки. Сейчас этот дурак сам себя задушит. Головой замотал, попытался ослабить ошейник, но не тут-то было. Хитрая петля, такая только затягивается. Но, судя по ранам на шее, ему случалось носить и куда более опасные украшения.

- Послушай. - Я приближалась с осторожностью. Слаб или нет, но даже сейчас он сильнее меня во много раз. - Я не хочу причинить тебе вред. Если бы хотела, то бросила бы в городе. Или сейчас. Мне достаточно просто уйти...

- Нет. Н-не... н-надо.

Заговорил. И, кажется, отдавая себе отчет в том, что говорит. Замечательно. Значит, есть шанс договориться.

- Не буду. Но веревку лучше снять. Согласен?

Кивок.

- Ты не бросишься на меня?

- Нет.

- Обещаешь?

- Да.

- Слово на крови и железе?

Пес дернулся, но выдавил:

- Да.

Что ж, этому слову можно верить, и лес разочарованно зашелестел. Понимаю его обиду, но не разделяю. Я все же приближалась к псу с опаской: слово словом, а осторожность не помешает, подозреваю, он и сам плохо понимает, что творит.

- Это я. - Коснулась макушки. Волосы у него, как у мамы, - с тяжелой остью и мягким пуховым подшерстком, может, поэтому меня тянет его погладить. - Эйю.

- Эйю, - послушно повторил пес.

– Наклони голову, пожалуйста.

Узел был под горлом и теперь, затянувшись, продавил кожу. Нет, над позвоночником веревку пилить сподручней. Нож у меня хороший, острый, и резать я старалась аккуратно. Пес ждал и, по-моему, боялся шелохнуться.

– Вот и все. Сейчас будет неприятно.

Веревку пришлось отдирать от кожи. Язвы. Кровь. Сукровица. И знакомые проколы под подбородком. Его долго держали в ошейнике, не позволяющем опустить голову.

Полчаса – и мышцы ломит. Час – и кажется, что вот-вот их судорогой сведет. Два... и стоит опустить подбородок, как острые зубья впиваются в кожу. Кажется, на третьем мне стало все равно.

Я всегда была упрямой девочкой, но до пса мне далеко.

– Так лучше?

Не надо его трогать, но я не удержалась. А он вдруг сгреб меня в охапку и опрокинул на листья. Сам сверху навис.

Убьет?

И правильно сделает: за дурость надо платить. Лесу-то сколько радости будет...

...овраг. Далекo. Выше надо.

Какие мы капризные, однако.

Но пес не торопился меня добивать, обнюхивал. Волосы. Лицо. Шею.

– Запах. – Он снизошел-таки до разъяснения. – Ты. Я. Знать. Запах. Эйо. Свой.

А про невесту рассказывал связно. Сейчас же ощущение, что собственный язык его не слушается. Пес прижался щекой к моей щеке и замер. Я тоже не шевелилась, мало ли что ему в голову взбредет. Минуту не шевелилась... две... на третьей не выдержала, главным образом из-за запаха: воняло от него выгребной ямой.

- Тебе надо вымыться. - Подозреваю, эта процедура ему не понравится. - Вода холодная. И будет больно. Но так раны скорее заживут.

Будь в нем хоть капля живого железа, они бы уже затянулись, без воды и моей помощи. Пес же вздохнул, но все-таки отстранился и встал на колени. Руку протянул. И пальцы мои сдавил так, что еще немного - и сломает.

Боится отпустить?

Потеряться?

- Сначала снимем твои лохмотья. Я постираю и посмотрю, что можно сделать...

...все равно другой одежды нет и в ближайшем будущем не предвидится. В лесу вообще с одеждой сложно, а соваться в город - безумие.

- Идем.

Встал без споров. И шел за мной, осторожно, медленно. И раздеть себя позволил.

Он был изможден до крайности: кожа, кости и живое мясо. Его не просто пытали, а мучили снова и снова, позволяя ранам зарубцеваться, а вот здесь, под левой лопаткой, явно шили. О псе заботились, не позволяя умереть. Наверное, он был интересной игрушкой.

- Решетка, - сказал пес, когда я коснулась язв на спине.

Аккуратные отверстия все еще сочились сукровицей. Девять рядов вдоль спины, девять - поперек. А следов от огня нет. Впрочем, я слышала, что холодное пламя не обжигает, оно просто вытапливает из крови железо.

...это война, бестолковая Эйо. А пес – враг.

Вот и убили бы как врага. Пытать зачем?

– Потерпи. – Я сглотнула, не зная, что сказать ему. – Еще немного потерпи. Пожалуйста.

Кивнул.

И двинулся за мной к воде.

– Стой. – Берег был топким, осклизлым. – Садись. И осторожно, здесь глубоко.

Я помогла ему спуститься в воду и положила руку на корень старой ели. За него удобно держаться.

– Я сейчас вернусь.

У меня еще оставалось мыло, пусть и самое дешевое, изрядно воняющее. Для пса, вероятно, этот запах и вовсе невыносим был. Но он терпел, жмурился, фыркал. И сам тер и без того разодранные плечи, хотя меня от одного вида открывшихся ран трясти начало. Моей силы не хватит на все.

Разве что понемногу... изо дня в день...

Я помогла ему выбраться из воды и отвела к своему гнезду, сооруженному из еловых лап и сухих, шелестящих листьев.

– Вытереть тебя нечем.

Солнце еще стояло высоко. Обсохнет. И согреется. Надеюсь.

– Чистый. – Он понюхал собственную руку. – Чистый. Хорошо.

Я же развела костерок. Сегодняшняя добыча была скудна – пара серых, скукоженных картофелин, из тех, что скоту запаривают, и несколько горстей сечки. Но из старых запасов у меня оставались хлеб, сыр и почти прозрачный уже кусок сала на нитке. Картофель я варила вместе с зерном, добавила травы и жир. Пес терпеливо ждал. Он свернулся в гнезде клубком, подтянув ноги к груди. И плащ мой, слишком маленький для него, принял с благодарностью.

Так и лежал, уставившись на огонь, но вряд ли видел. И, кажется, придремал.

А я, пользуясь случаем, разглядывала его.

Крупный, широкой кости, с массивной грудной клеткой, тяжелыми лапами и мощным хребтом. Такой выдержит и полную броню. Окрас золотистый, с характерным отливом и более светлым подшерстком, какой бывает только среди высших. И родинки – как подтверждение. Семь – на левой щеке, одиннадцать – на правой.

Может, не все так и плохо?

Я проведу его по землям детей лозы, а он поможет мне за Перевалом.

Глава 3

Стальной Король

Стальной Король был молод, всего-то двадцать девять весен, на три меньше, чем Виттару.

Стальной Король был стар.

В его глазах жили война и боль потухших жил, отравленных туманом. Ранние морщины изрезали лицо, превратив его в маску, и не нашлось бы в землях Камня и Железа того, кто осмелился бы заглянуть под нее. Не был исключением и сам Виттар, хотя и назывался другом правителя.

Стальной Король просто был.

Высокий. Сухопарый. Нескладный с виду. Он лишен был отцовской силы и изящества матери: чересчур длинный, ссутуленный, с худыми руками и локтями, которые вечно торчали в стороны эдаким вызовом дворцовому этикету.

Стальной Король давно перестал обращать внимание на подобные мелочи. Его запястья были по-женски тонки, а ладони округлы. Такие подошли бы пекарю. На коротких пухлых пальцах перстни смотрелись нелепо, и король отказался от перстней.

Ему не шли ни кружево, ни бархат, ни даже сама корона, сплетенная из стальных нитей. Он вечно жаловался, что корона слишком тяжела и натирает.

И алмазы в ней – лишнее.

Сейчас корона лежала на столике рядом с бутылкой вина, парой бокалов и потертыми перчатками. Под столиком нашлось место сапогам, из голенищ которых полосатыми змеями выглядывали чулки его величества. Сам Стальной Король сидел, вытянув ноги, шевеля босыми пальцами, которые разглядывал с преувеличенным вниманием. Казалось бы, не слушал, но Виттар точно знал – каждое произнесенное им слово произнесено не зря. Вот только новости нельзя было назвать добрыми.

– ...род Высокой Меди с печалью сообщил о том, что младенец родился мертвым.

– Второй? – Голос короля звучал ровно, равнодушно даже.

– Третий. Второй – у Белого Серебра.

Виттар замолчал, зная, что королю нужно несколько минут тишины. Он поднялся и наполнил бокалы темным тяжелым вином. Сделав по глотку из обоих, протянул собеседнику.

– По-прежнему боишься за меня? – Старый друг взял бокал, не глядя.

– Боюсь.

Вино из ягод тимминики, единственное, которое король признавал, было горьким. Когда-то эта горечь сумела спрятать яд, и покушение, одно из многих, едва не увенчалось успехом. С тех пор рядом с правителем находился дегустатор, но Виттар не мог отделаться от старой привычки, пусть в тот раз она едва не стоила ему жизни.

Король разглядывал вино.

– Ты ведь нашел ответ на мой вопрос?

Да, хотя изначально и полагал, что вопрос задан исключительно затем, чтобы отвлечь Виттара от собственных бед. Вероятно, так и было... отчасти.

– Мы не там ищем виновных. Королева... – Виттар замолчал, не в силах заставить себя произнести имя этой женщины. Скулы сводило от ненависти, бессилия и понимания, что никогда ему не добраться до твари. Он видел ее лишь однажды, издали, и с той минуты потерял покой.

Королева Мэб являлась во снах, становилась на колени и запрокидывала голову. Виттар видел ее горло, тонкое, бледное, такое хрупкое... и понимал, что даже во сне не дотянется. Пытался. Рвал цепи долга. Зверел от запаха и близости. Просыпался в холодном поту, ослепленный мерцанием короны Лоз и Терний.

И с пониманием, что королева Мэб останется живой.

– ...она ни при чем.

– В проклятие ты не веришь?

– Разве что мы сами себя прокляли. – Виттар вытер платком испарину, которая появлялась, стоило ему упомянуть о королеве. – Я нашел ответ, но... он почти приговор.

Вначале задание казалось простым.

Очевидным.

Почему готовы иссякнуть жилы Великих домов?

И вправду ли опоены они слезами Королевы Туманов? Запечатаны сказанным ею словом? Прокляты и обречены? И если так, то не совершил ли Стальной Король ошибку, позволив альвам уйти?

Об этом многие шепчутся.

– Если боишься моего гнева, то вспомни, – отставив бокал, король провел пальцами по тонкому шраму, пересекавшему запястье, – сколько раз ты спасал мою жизнь. И никогда ничего не просил взамен. А то единственное, что, как я знаю, тебе нужно, я оказался не в силах дать.

Ни справедливости, ни даже мести.

– Мы слишком многим обязаны твоему роду, а вскоре, чувствую, долг увеличится. Я знаю, как ты ее ненавидишь. И если при этом утверждаешь, что Хозяйка Холмов и Туманов не виновата, то я тебе верю. Говори. И не бойся меня оскорбить.

Не его – всех остальных: Великие дома слишком привыкли к собственному величию, они в упор не замечали опасности. И, пожалуй, если бы не война, продержались бы еще лет сто, а то и двести, но сейчас, когда срок уже вышел, они желали найти виновного.

Виттар пригубил вино: в горле пересохло. Пересыхало всякий раз, когда он касался этой темы и собственной теории, проверяя ее раз за разом, выискивая все новые и новые факты, пытаясь истолковать их так, чтобы увидеть – ошибался.

Не выходило.

– Это началось задолго до войны... и до твоего появления на свет. И еще раньше. Я поднял родовые книги. Двадцать поколений тому назад руда забирала одного ребенка из ста. И высшие рождались во множестве даже в тех родах, кровь которых не отличалась особой чистотой. Но сила каждого была не так велика. И тогда твой предок, желая сохранить и усилить свойства высших, издал указ о

сохранении породы.

Король смотрел на огонь, рассеянно проводя мизинцем по граням кубка.

- Высшие, сочетаясь браком с высшими, давали крепкое потомство. И живучее. От трех до пяти детей на одну семью.

А сейчас двое выживших – редкость.

- И в следующем поколении кровь проявила себя еще более ярко. Но теперь руда забирала одного ребенка из пятидесяти.

- Вдвое.

- Да.

- И потом становилось лишь хуже? – Он уже понял то, что желал сказать Виттар. Стальной Король умен, хотя многих обманывали сонный его облик и кажущаяся рассеянность.

- Детей рождалось все меньше... и руда забирала каждого четвертого. Но оставшиеся трое отличались исключительной силой и выносливостью.

- Их скрещивали между собой...

- Именно.

- И родственные связи стали слишком близки. – Король к вину так и не притронулся. Это не жест недоверия, скорее уж он забывал о том, что должен пить. И есть. Порой его приходилось кормить чуть ли не силой. Сейчас мысли короля были заняты проблемой куда более важной, нежели прошедшая война.

Он вновь обратился к фактам, с которых Виттар начал:

- Высокая Медь?

- Муж и жена - кузены. Их матери - родные сестры. А отцы - двоюродные братья.

- Олово?

Трое мертворожденных и четвертый, появившийся на свет живым, но взятый рудой.

- Трьюродные брат и сестра. Серебро - то же самое. А брак, разрешения на который добиваются Титаниды, будет заключен между братом и сестрой.

- Но... она низшего рода?

- Незаконнорожденная дочь.

- И законнорожденный сын. - Король тяжело поднялся. - Неужели они сами не понимают, что творят?

Этот вопрос не требовал ответа. Понимают? Скорее спешат сохранить кровь. Сильную скрещивают с сильной, в надежде, что родятся дети, которые выживут.

- Спасибо. - Стальной Король стоял над камином, упираясь обеими руками в холодный мрамор облицовки. - Ты подтвердил мои догадки. Забавно в чем-то даже... Они разводят лошадей. Или собак. Грэм Серебряный соколами занимается...

- Они считают себя выше.

Законы жизни неприменимы к детям Камня и Железа.

- А сейчас, - Виттар допил вино, - они верят в проклятие Туманной Королевы. И в то, что лишь сильная кровь его переломит.

Слишком многих унесла война. И Титаниды - первые, кто посмел переступить запретную черту. Виттар слышал, что Белоглазая Асгрид ждет ребенка от того, кого называет мужем. И братом. А доктора обещают, что младенец родится здоровым. Если не ошибутся, то сколько еще пожелают последовать примеру?

– Я отменю закон.

Стальной Король принял это решение не сейчас. Он позволил Виттару проверить то, что уже знал, но в чем все же надеялся ошибиться. Однако отмена закона – слишком мало. Высшие не захотят разбавлять кровь. Слишком привыкли к своей исключительности.

– Я... – Виттар знал, что предложить, – возьму себе жену не из Великих родов. Поищу среди тех, у кого большие пометы и щенки здоровыми растут. Ртуть... Или Свинец. Сурьма, если не ошибаюсь, всегда отличалась плодовитостью.

Должно получиться, если он прав.

– Что еще ты готов сделать для меня, друг? – Стальной Король повернулся, и впервые с начала войны в его глазах не было пустоты.

Он знает ответ: все.

Не ради короны, долга и сомнительной чести именоваться правой рукой монарха, но ради человека, которого Виттар считал родным.

У него и так родни не осталось.

А Виттар знает причину, подтолкнувшую короля заняться проклятием, которого – это понимали они оба – не существовало. Зато были пятеро братьев, родившихся мертвыми или ушедшими в первые же дни после рождения. И ранняя старость предыдущего короля.

– Ты прав. Я не желаю хоронить собственных детей. Но и заставлять тебя не буду. Ты заслуживаешь той невесты, которую выберешь сам. Будь у меня сестра, я отдал бы ее тебе.

Сестра была. Ольриг. Светлокосая, ясноглазая, звонкая, как горный хрусталь. Отрада души и надежда рода, потерянная в Каменном лого. Порой и король бессилён защитить то, что дорого. Чего уж ждать от остальных?

– Оставь мне бумаги, – попросил король. – Советники любят язык цифр. Им понравится.

Скорее уж они будут возмущены и не пожелают верить, потому что вера означает признание. А кто признается в том, что сам подрубил корни собственного рода?

Но закон будет отменен. И если надо, Стальной Король издаст новый, собственной волей связав тех, кто еще свободен, с малыми домами. Вот только он понимает, что путь силы породит лишь гнев, а гнев – восстание. И снова будет война, которая уничтожит весь народ Камня и Железа.

– Не уходи пока. – Стальной Король вернулся в кресло и тихо произнес: – Боюсь, и у меня для тебя дурные вести.

Оден. Сердце екнуло и остановилось.

Нет, его нить на полотне рода истончилась до крайности, но не погасла. Брат жив. И надо верить.

– Она сдержала слово. – Пухлые пальцы сплелись, сцепились друг с другом.

Тварь туманная, бледнорожденная. Но даже Мэб не под силу нарушить клятву на Камне.

Вот только Камень понимает лишь простые клятвы.

Мэб обещала оставить мир.

И корабли один за другим уходили к Затерянным островам.

Мэб обещала дать пленным свободу.

И городские тюрьмы, замковые темницы, даже позорные клетки были открыты.

Вот только Одена в числе тех, кого принял Перевал, не оказалось.

– Там, возьми.

Свиток. Печать. Бумага твердая, а пальцы непослушны. И ровные буквы – она всегда и во всем совершенна, Королева Туманов и Грез, – не складываются в слова.

– «Склоняю голову, смиренно приветствуя старшего брата...» – Стальной Король говорил тихо. Сколько раз он прочел это послание? Много. Переплетение ее слов никогда нельзя было понять с первого раза. – «...столь милосердного, что, невзирая на распри...»

«...сохранил неразумной сестре своей жизнь и корону. Душа моя, преисполняясь благодарности, требует порадовать тебя добрыми вестями.

Сегодня на рассвете последний корабль поднимет паруса, унося несчастную королеву Мэб и детей лозы к Затерянным островам. Отныне пусты Холмы и холодны хрустальные чертоги. Но пусть не печалит сия разлука моего венценосного брата, ведь в душе своей я сохраню его светлый образ...»

Издевается. Даже побежденная, изгнанная, лишившаяся всего, издевается.

«...и смею ли надеяться я, что ты, мой король, в самом скором времени не забудешь обо мне?

Лишь желание навеки вырезать имя Мэб на скрижалях стального сердца и воля твоя, изложенная столь ясно, что бедной королеве не остается ничего иного, кроме как исполнить ее, управляют мной.

Возрадуйся, Стальной Король! Тот, о котором ты столь долго проявлял воистину трогательную заботу, отныне свободен. Твоя отвергнутая Мэб сняла с него железные оковы и вывела к свету, оставив на попечение людей. Уповаю, что, пораженные твоим величием, как поражена была я, они проявят всяческое понимание и милосердие и в самом скором времени ты сможешь обнять своего дорогого друга.

Мысль об этом будет согревать меня в пути.

Туманных тебе дней.

Целую прах под твоими ногами.

Низвергнутая королева Мэб».

– Выпей. – Король отнял бумагу, которую Виттар почти разорвал. И вместо листа сунул кубок: – Пей.

Этого приказа нельзя было ослушаться, но Виттар не чувствовал вкуса вина.

Вот и все. Четыре с половиной года торгов. Уступок. Золота, которое уходило в Холмы.

Пленников, отпущенных, чтобы продлить брату жизнь.

Королева Мэб никогда не просила невозможного, предпочитая плясать на острие клинка. Ей нравилось стравливать короля и Совет. Совет и Виттара.

Виттара и короля.

Дразнить обещаниями, которые она не собиралась сдерживать, – все это знали, но продолжали делать вид, будто верят, что уж теперь-то Оден вернется...

– Я отправил ищеек. Всех, кого мог отправить.

Сколько? Сотни две? Три? А городов на землях лозы втрое больше. И Оден мог быть в любом. Но сколько он протянет? Виттар говорил с каждым, кто вышел из Холмов, пусть даже они были слишком безумны, чтобы вести беседы. Но он должен был спросить о брате.

– Его будут искать. Я обещал награду. – Стальной Король говорил, зная, что слова его станут слабым утешением. Виттар видел.

Месяц под Холмами, чтобы утратить силы.

Два – чтобы лишиться разума.

Три – и то, что оставалось от пленного, милосерднее было убить.

А четыре с половиной? И не месяца, но года? Во что превратился его брат? Кем бы он ни стал, вряд ли Оден сумеет выжить. Виттар закрыл глаза и услышал звонкий девичий смех королевы: «Моя дочь? Оставь себе. У меня их еще четыре. А вот тот, из-за кого я войну проиграла, один».

Оден. Неразменная монета, выкупившая ее собственную жизнь. Не будь его, и Холмы бы вскрыли. Совет желал этого. Требовал. Грозил королю мятежом, но все же подчинился.

А эта тварь вновь обманула.

– Я не буду тебя отговаривать, – король налил еще вина, – если ты захочешь заняться поисками сам.

Пойти за Перевал? И дальше что? Рыскать по городам, надеясь не то на случай, не то на чудо? Узнать, что опоздал? И, поддавшись гневу, вырезать какое-нибудь безымянное поселение, где ненависть к детям Камня и Железа толкнула к убийству?

Мечь не принесет облегчения.

А гнев – пользы.

– Однако... я бы предпочел, чтобы ты остался.

Это еще не приказ, просьба.

– Почему?

– Слухи. – Повернувшись к Виттару, Стальной Король заглянул ему в глаза. – Многие говорят, что ты неспособен справиться с собой.

И называют Бешеным.

– Что еще?

– Что, меня обличье, ты теряешь разум. Контроль. Что ты уже на грани, если не за ней. Что война окончена, но ты продолжаешь воевать... и вот-вот созреешь, чтобы повести за собой дикую охоту.

– И многие пойдут?

До Виттара доходили... странные разговоры. О землях за Перевалом. О людях, которые слишком верны прежней хозяйке. И о тех, в ком осталась кровь Туманной Королевы.

О том, что король чересчур мягок.

Он слишком многих пощадил, не понимая, что зло необходимо выкорчевать с корнем. И есть те, кто не боится замарать рук.

– Боюсь, что многие... Прости, Виттар, но твой брат и вправду был бы удобнее мертвым.

Об этом тоже говорили, сначала намеками, потом открыто, в лицо, требуя не выполнять очередные просьбы королевы Мэб. И если бы она попросила о чем-то, несовместимом с честью дома...

Но королева знала, где остановиться.

– Сейчас он – красивый символ. А символ легко станет знаменем для тех, кто хочет мести. Здесь нет ни твоей, ни его вины, но... я не думаю, что тебе стоит отправляться за Перевал.

– Опасаешься, что я не сумею себя остановить?

– Я опасюсь... – Взгляд Стального Короля не получается выдержать долго, да и дерзость это – смотреть ему в глаза. И кто-то другой за дерзость поплатился бы. – Я опасюсь, что скажут, будто ты не сдержался. Этого будет достаточно.

Он мог бы добавить, что Оден обречен. И был обречен изначально. Что четыре с половиной года в руках королевы – это больше, чем можно выдержать, не лишившись разума, и если вдруг случится чудо и Одена удастся найти, то вряд ли он выживет. А если выживет – останется калекой. И не Оденом вовсе, но искореженной оболочкой, заставляя жить которую – жестоко.

Так стоит ли ради этого рисковать таким хрупким миром?

– Я хотел бы попробовать свой вариант поиска. – Виттар поднял взгляд на человека, которого безмерно уважал. – Я не уйду надолго. И не поведу большую стаю. И не трону ни человека, ни альва, ни кого бы то ни было, если он не попытается причинить вред мне или моим людям.

– Слухи? – Король усмехнулся.

– Только слухи.

– Хорошо.

– Я вернусь. И к первой проблеме тоже. Я подготовлю список малых домов, которые достойны внимания. И имеют девушек подходящего возраста. Полторы дюжины хватит?

– Вполне, – сказал Стальной Король. – Не спеши. У тебя еще есть время. И полная свобода.

Ложь. Ни у кого нет ни времени, ни свободы. Слишком многое поставлено на карту.

Оден.

Великие дома. перевал и земли по ту его сторону. Война пропитала их ненавистью, словно черной земляной кровью. Достаточно искры, чтобы начался

новый пожар.

Дом Виттара, старый, пропыленный и почти мертвый, как мертв был сам род Красного Золота, встретил хозяина торжественной тишиной. И вновь она не принесла успокоения.

Собственные шаги звучали громко, грозно даже.

Виттар, поднимаясь по лестнице, считал ступени. Мраморные перила ластились к ладоням... Пустота и ничего, кроме пустоты. Пыли. Плесени. И старых портретов, с которых из-под слоя грязи на Виттара смотрели предки. Смотрели, казалось, с презрением. Как он, последняя капля металла в иссохшем русле древней жилы, посмеет привести сюда жену из низших?

Позабыл о гордости? О чести?

Обо всем, о чем стоило помнить?

Его брат никогда не поступил бы подобным образом.

Перед дверью из мореного дуба Виттар остановился. Руки дрожали. Всего-то надо – толкнуть, услышать знакомый скрип: за четыре с половиной года он так и не нашел времени смазать петли. Кивнуть слуге. Принять свечу. Поднести к родовому гобелену и...

Свет пламени отразился на металлической нити.

Живое железо не умело лгать.

Оден еще жив.

Глава 4

Бытовые вопросы

Огонь горел. Вода в котелке кипела. Каша варилась. Пес спал. А я пыталась понять, зачем с ним связалась. Жалко стало? Пора бы усвоить, Эйо, что жалость никого еще до добра не доводила. Возможно, раньше, до войны, в ней был какой-то смысл, но тебе ли не знать, насколько все изменилось.

Вот что с ним делать?

Сидеть, гладить по головке и рассказывать сказки о том, как все наладится чудесным образом?

Сопли вытирать?

И водить за ручку, пока видеть не начнет? А если начнет, то где гарантия, что, увидев твое личико, заглянув в глаза, он просто-напросто не свернет тебе шею? Он тебя человеком считает... скорее всего, считает человеком.

Но я-то альва. Наполовину.

Отражение в яме показало, что указанная половина за день не исчезла. Узкое лицо с чрезмерно длинным, по человеческим меркам, носом. Резко очерченные губы. Характерный разрез глаз. И единственной уступкой маминой крови – пара родинок на левой щеке.

Бабушка вечно пыталась их запудрить. И волосы уговаривала перекрасить, мол, светловолосых альв не бывает. Ей казалось, краска и пудра мигом все проблемы решат. Хорошо, что бабушка не дожила до войны. А лицо... какое бы ни было, но на рабском рынке за меня дадут неплохую цену, особенно с учетом некоторых нюансов. А может, ну его? Пойти, продаться... попаду в хороший дом, буду жить на всем готовом дорогой игрушкой, редкой птичкой, которая особо бережного обращения требует. И ни забот, ни хлопот...

...если не прирежут, попытаюсь создать источник, что куда более вероятно.

Следовало признать, что я сама себе ходячая проблема, а еще и пес.

Как быть?

Раздевшись, я нырнула в черную воду с головой.

Холодно. До того, что дыхание перехватывает. Но холод, рожденный родниками, сменяется благословенным теплом. Я расслабляюсь, позволяя тончайшей сети пузырьков опутать себя.

С водой мы всегда умели найти общий язык. И сейчас она отозвалась на прикосновение упреком.

...злое думаешь.

Как уж получается.

Я коснулась топкого вязкого дна. Пальцы провалились в илистую подушку, а ладони уперлись в осклизлые стены бочага. Вода ласкала кожу, и постепенно я успокаивалась. Мысли становились неспешными, ленивыми, как рыбина, которая поселилась на дне ямы. Она не показывалась, лишь изредка касалась ног, царапая тяжелой чешуей.

Да, пес будет мешать.

Он слишком приметный, а в этих краях собак ненавидят искренне и люто. Кто бы ни вывел его сюда, он хотел одного – чтобы пес умер и смерть эта была мучительна.

А я помешала.

И чем это грозит?

Если поймают, убьют обоих... что еще? Ему нужна одежда – от его лохмотьев, даже если постирать и зашить, проку мало. Обувь. Кормить придется, а я себя с трудом прокормить могу. Он же втрое крупнее и болен. Быстро идти не сможет, и вообще не уверена, сможет ли... а мне нужно попасть к Перевалу до наступления зимы. Я чудом пережила предыдущую, и вряд ли получится повторить подвиг. Если застряну здесь, погибну сама. Самое разумное решение –

оставить его здесь. Тихо собраться и уйти... или дать сонного зелья, он выпьет из моих рук. Уснет. И просто перестанет быть.

Это тоже своего рода милосердие. Но почему мне тошно от одной мысли о подобном милосердии?

...не думай о плохом. Не слушай лес.

Вода подтолкнула меня к поверхности.

Не буду. Попытаюсь о хорошем. Что у нас есть? Пес – одна штука. Чистокровный. Из высших. А эти своих не бросают. На то, что ко мне проникнутся любовью и благодарностью, рассчитывать не стоит, но к долгу крови высшие относятся серьезно. И если все-таки выживем, то... я попрошу награду, такую, чтобы хватило на жизнь. Вдруг да окажется, что брат не слишком-то счастлив внезапному моему воскрешению.

Ну да, с чего ему меня любить? Он – наследник, будущий райгрэ, вожак... или уже не будущий, а состоявшийся, как-никак семь лет не виделись. Я – позор рода... точнее, позор – моя матушка, а я так, живое свидетельство глубины ее падения. Во всяком случае, пока еще живое, а там – время покажет. Главное, что деньги мне всяко пригодятся.

Прогонит брат – куплю себе домик в деревне.

Огород заведу. Стану овец лечить, коров... поля заговаривать. Чем не радужная перспектива?

Будем считать, что с мотивами своих алогичных поступков я разобралась.

Вода зажурчала. Смеется? Пускай. Она в отличие от леса легкая. Ей корысть непонятна, вот и сочиняет для себя собственные истории.

...ниже по течению мучной орех растет.

– Знаю, я видела. – Зачерпнув горсть, я позволила каплям стекать по коже. Вода любит ласку. И мои волосы растащила по прядкам, украсила воздушными

пузырьками, еще и тонкие стебельки травы вплела. – Орехи только-только появились. Им еще месяц зреть.

...прошлогодние. Крупные. Много.

Значит, уж точно больше двух. И мне следовало бы самой подумать, что не все плоды прорастают.

– Спасибо.

Вода нежно лизнула в щеку.

– И я тебя люблю.

Распластав собачье тряпье, к которому и прикасаться было противно, на дне ручья, я придавила его камнями. Вода вымоет грязь, вернее, сменит одну на другую, но глину я позже выполощу. Главное, чтобы высохло за ночь. Вот не отпускало меня ощущение, что скоро мне предстоит распрощаться с оврагом.

Впрочем, пока хватало дел насущных, которые – лучшая помеха мрачным мыслям.

Пес уже проснулся. Надо все-таки назвать его как-нибудь, а то неудобно разговаривать, на «пса» еще обидится. Он сидел в куче листьев и вертел головой.

– Я здесь. – Я подходила, стараясь наступать на все ветки, чтобы он слышал.

Судя по запаху, обед был готов. Надеюсь, пес не станет отказываться, потому что мяса при всем своем желании я ему не найду.

Пес наблюдал за мной, словно мог видеть. А глаза-то опять гноем затянуло... и, значит, пойду я не только за мучным орехом. Неподалеку рос старый дуб, который не откажется поделиться корой. Ромашку и мать-и-мачеху на берегу видела. Где-то рядом была и таволга...

Как обычно, что найду, то и мое.

Вот и миска пригодилась, не зря же я ее столько времени с собой таскала, стеклянную, с узором из белых лилий. Миску я оставила себе, а псу подвинула котелок. И единственную ложку в порыве благородства отдала. Ему небось без ложки совсем непривычно, а мне руками вкуснее даже.

– Вот. – Я провела его пальцами по краю котелка. – Только осторожно, горячее пока. Подожди, пусть остынет немного.

Ожидание давалось ему нелегко. Пес склонился над котелком, вдыхая запах, и выражение лица у него было таким, что я губу прикусила. Нельзя с ним так. И отвлечь вряд ли получится, но попробовать стоит.

– Как мне тебя называть? Я понимаю, что не могу спрашивать родовое имя...

Повернул голову, но при этом лег так, что стало ясно – котелок не отдаст. Я и не собиралась забирать, просто... в лагере тоже любили шутить. По-всякому.

– ...но мне как-то надо к тебе обращаться.

– Оден.

– Эйю.

– Помню. Радость.

Надо же, а я и не думала, что он тогда был в состоянии понимать что-либо. Пес же вновь повернулся к котелку. Зачерпнул варево. Подул. Попробовал.

– Когда ты в последний раз ел?

– Давно.

И вкус ему безразличен. И ложка не нужна. Я ведь помню себя, когда впервые оказалась по ту сторону ограды, когда поняла, что могу наесться досыта, и уже неважно было, что в миске, главное – горячее и много. В храме были хорошие дрессировщики, знали, что мясная каша в тот момент эффективнее хлыста и

угроз. Да и чего будет бояться тот, кто еще вчера стоял на пороге смерти? И позавчера. И за день до этого. За проклятую бездну дней. Разве что подавиться едой, такой долгожданной, обильной, которую глотаешь, не жуя, движимый одной мыслью – утолить наконец голод.

И ласковый укоряющий взгляд Матери-жрицы сдерживал лучше угроз.

Нам так хотелось ей понравиться, но не потому, что она красива и милосердна, но потому, что стоит у котла. И значит, от нее зависит, будет ли добавка.

Пес был умнее. Он ел аккуратно, тщательно разжевывая сечку, которая после варки не стала мягче. Котелок вылизет до блеска, тут и думать нечего. Главное, чтобы эта еда впрок пошла.

Меня от жадности рвало.

Да и не только меня...

– Оден, – все же хлеб и сыр я оставила на потом, мало ли, вдруг вода ошиблась, да и завтрашний день тоже пережить надо, – сейчас я уйду.

Дернулся и от еды отвлекся.

– Ненадолго. Я вернусь, обещаю. Надо силки проверить. И кое-каких трав собрать.

Ниже по течению сныть росла. Из нее суп сварить можно. Если еще крапивы и молодых листьев папоротника собрать, получится вкусно. Да и все лучше, чем ничего.

– Поэтому если тебе куда-то надо, например, в кусты...

Мотнул головой. Ну, мое дело предложить.

– Хорошо, тогда, пожалуйста, седи тихо.

– Я понимаю.

Это вряд ли. Я даже не людей опасуюсь – леса.

– Это место небезопасно. Лес может причинить тебе вред. Ты пока... – Обвинить высокогородного в слабости – значит нанести смертельное оскорбление. – ...не совсем здоров.

– Слеп. Беспомощен. Не выживу. Ты нужна.

Вот и хорошо, будем считать, что договорились.

– Я вернусь, – зачем-то повторила я и, не устояв, коснулась светлой макушки, а Оден, вместо того чтобы отшатнуться, все-таки он не настолько же собака, – потянулся за этой нечаянной лаской.

Нельзя к нему привязываться. И нельзя привязывать его.

Мы просто дойдем до Перевала, а там... как-нибудь.

Оден представлял себе свободу иначе.

Он точно знал, как это будет. Он рисовал себе этот момент в воображении... сколько? Недели? Месяцы? Там, под Холмами, время становится другим.

Нет больше дня и ночи, но только шаги стражника над головой. На нижнем уровне их четверо. И Оден быстро учится различать каждого. Первый и третий – безразличны. Второй не упускает момента остановиться и заговорить.

Он рассказывает о том, что Королева Туманов прошла над Перевалом. И что долина, та самая, которую пытался защитить Оден, перестала существовать, как и город, и все, кто в городе...

Что Стальной Король слаб и отступает.

Что рудные жилы гибнут одна за другой. И скоро наступит момент, когда род Железа и Камня прекратит свое существование. Оден жив лишь потому, что королева желает провести его по улицам.

Тот, второй, был влюблен в королеву.

Он произносил ее имя с придыханием, и запах его – когда Оден еще умел различать оттенки запахов, – менялся. Он вещал о долге, чести и милосердии, которое не позволяет королеве избавиться от ничтожества.

Четвертый молчал. Он вставал на решетку и просто стоял, прислушиваясь к тому, что происходит. Иногда ронял что-то вниз. Хлеб. И вонючий козий сыр, который так любят дети лозы. Однажды он все же открыл рот:

– Дочь королевы угодила в западню. Возможно, тебя обменяют.

Кто еще слышал эти слова?

Больше четвертый не появился. А про Одена вновь вспомнили.

Королеве Мэб был к лицу багряный, оттеняющий совершенную белизну кожи. И корона Лоз и Терний сияла в полумраке подвала.

– Я предложила им обменять тебя на мою девочку. – Иногда она позволяла голосу изображать нежность. – Зачем им дочь несчастной королевы? Но нет, отказались. И моя девочка умерла. Так почему я должна оставить тебя в живых?

И время застыло.

На ее руках – пурпурные рубины, и отблески их окрашивают кожу розовым, словно королева Мэб пыталась смыть кровь, но не оттерла до конца.

– Почему? Ты не нужен им... – Она желала услышать ответ на свой вопрос. И повторяла его вновь и вновь... – И, упрямый, цепляешься за жизнь. Чего ради?

– Потому что у меня есть невеста...

Ее смех – стеклянная пудра на свежих ранах.

– Что ж... – Женщина с рубиновыми когтями закрывает глаза. – Живи...
Возможно, когда-нибудь я подарю тебе свободу.

Она сдержала слово.

Оден ждал, что за ним придут. Слушал землю, надеясь уловить тот момент, когда старые глыбы начинают трескаться, пропуская огненный ручей. И песню железа, разрывающего землю. Шаги, не охраны, другие. Голос, который он узнает, несмотря ни на что.

Брат вытащит.

Скажет, что все уже закончилось. Отвезет домой. Не в городской особняк, но в старое поместье, в его, Одена, комнату, окна которой выходят на тисовую аллею.

Стены из яшмы и нефрита, прошитого тонкой золотой нитью. И старый камин, который вечно начинает чадить при первой растопке. Тяжелое кресло – в нем хорошо думалось. Стол из каменного дерева. Оден помнит его и узор из царапин на боку. И даже то, что правая створка окна слегка провисает, а летом на бархатных портьерах оседает тополиный пух. Тополь в саду лишь один, и каждый год появляется желание его спилить, но посажен он был еще прадедом Одена...

Любимое место Виттара, вечно с книгой прятался. Точнее, думал, что прячется, а на самом деле все знали, где его искать.

Не пришел.

Жив ли? Война ведь была. Долгая, наверное. Кровавая. Но она закончилась, и Одену подарили свободу. Вот только теперь его жизнь зависит от женской прихоти. Пожалела? И как надолго хватит этой жалости?

День? Два? Дольше? Скоро ей надоест играть в спасительницу.

Уйдет.

Уже ушла. Пусть и обещала вернуться, но... обещания ничего не стоят.

Нет. Костер остался. И вещи. Значит, действительно вернется. Она молода, если судить по запаху. Серебро, вереск и мед. Мед и вереск. Серебра лишь капля.

Вереск рос на предгорьях Гримхольда. И по весне распускался цветами лиловыми, белыми. Кланялся ветру, дарил нежный аромат, которым даже местные туманы пахли. Летняя жара иссушала скалы, и запах становился тягучим, вязким.

А по осени в крепость привозили бочки с вересковым медом.

Оден помнит и это. Наверное. Он уже сам не знает, что из всего – память, а что – его фантазия.

Он понюхал свои руки, пытаясь разобраться с запахами. Собственный имел выраженные кислые оттенки, которые появляются у тех, кто болен. Правильно, Оден нездоров. Каша. Сажа – это с котелка. Металл. Прелые листья. Трава.

Надо сосредоточиться, пусть это и тяжело. В голове туман, и нос все еще забит, но кое-что уловить получается. Деревья. Некоторые близко, некоторые дальше. Снова трава и снова листья, скорее всего опад. Прошлогодний. Сейчас тепло, следовательно, или поздняя весна, или лето, или ранняя осень. Но осенью листва пахнет иначе. Все-таки весна или лето.

Какого года?

На травяном ковре – цветочные нити. Дальше – вода. Пожалуй, он сумел бы дойти до кромки и вернуться. Или... Оден принюхался.

Серебро, вереск и мед.

Узор поверх сухой листвы. И шепот деревьев будто подталкивает. Что может быть проще – пойти по следу? Это даже щенок сумеет. Или Оден боится?

Будь он и вправду щенком, не устоял бы перед искушением. Но его спасительница права: лес небезопасен. И мало ли что встретится на пути.

Разочарованный шелест был ответом.

Пускай. Оден перевернулся на живот и прикрыл веки. Он умел ждать и просто лежал, наслаждаясь теплом – отвык от солнца – и отсутствием стен. Нет больше клетки. И решетки над головой. Ошейника, не позволяющего опустить голову. И железа на руках, мертвого, тяжелого. Первое время Оден пытался от него избавиться. Альвов это забавляло.

И альвов нет.

Наверное, совсем нет, если его отпустили. Эйо вернется, расскажет, сколько времени прошло с падения Гримхольда... впрочем, он знает, что война была и что дети Камня и Железа одержали победу. А остальное так ли важно?

Птица беззвучно соскользнула с ветки на кучу листвы и замерла, уставившись на пса выпуклым черным глазом. Ворон был стар и хитер. Его перья отливали чернотой, а на массивном клюве, который с легкостью проламывал черепа мышей, мелких птиц и даже молодых зайцев, уже проступили седые пятна. Впрочем, до той дряхлости, за которой следует смерть, ворону еще далеко.

Последние годы были сытыми: война оставляла изрядно мертвецов, чтобы ворон раздобыл и сделался ленив. Оттого нынешняя весна его разочаровала.

И вот теперь такая удача...

Ворон прыгнул, подбираясь к добыче.

Остановился. Прислушался. Потер когтистой лапой клюв. Однако при малейшем признаке опасности готов взлететь. Но нет, мертвец был приятно мертв, вот только лежал неудобно, на животе. И до глаз добраться не выйдет. Впрочем, это мелочи.

И, решившись, ворон перелетел на плечо.

Уселся, впившись когтями в шкуру. Не такая она и толстая, ко всему уже подрана. И надо лишь выбрать рану шире, такую, сквозь которую проглядывало бы розовое мясо.

Ворон поднялся повыше и, примерившись, ткнул клювом в шею.

Добыча не шелохнулась.

Мертвый. Точно мертвый. И надо спешить, пока не набежали падальщики, к которым себя ворон никак не относил. Но, вспомнив о конкурентах, разволновался. Разоренные гнезда не давали того ощущения сытости, к которому он привык. И нынешняя добыча – ворон распрекрасно помнил, что все мясные годы рано или поздно сменялись голодными, – вполне могла быть последней. Он расправил крылья и ударил изо всех сил, вонзив клюв-щипцы в окно открытой раны. И, зацепив кусок мяса, потянул.

Вот только вытянуть не успел. Тяжелая массивная лапа накрыла ворона. Пальцы сдавили грудь, хрустнули кости. И ворон с тоской вынужден был признать, что его обманули.

Подмяв птицу под себя, Оден потер плечо. Кажется, кровь пошла. Плохо: запах привлечет других хищников. И если с птицей Оден справился, то волка одолеет вряд ли... или медведя.

Нашарив костер, который почти погас, Оден зачерпнул горсть горячей золы и прижал к ране. Он привычно отмахнулся от боли, куда более слабой, чем та, которую ему приходилось испытывать, и занялся добычей. От птицы пахло птицей и немного – падалью. Крупная. Весит не меньше двух стоунов. Перья жесткие. Есть когти, но не такие, как у соколов, и клюв прямой.

Раньше достаточно было бы взгляда, а сейчас приходилось угадывать.

Все занятие.

Оден попытался вспомнить, какие птицы водятся в лесах, но вынужден был признать, что знания его в данном вопросе более чем размытые.

Главное, что в любом случае она съедобна.

Как показалось, лес над головой зашумел одобрительно.

Глава 5

Другая сторона

Спустившись в библиотеку, Виттар сделал глубокий вдох и сосчитал количество томов на ближайшей полке. Обычно это действие успокаивало, однако сейчас требовалось нечто большее.

Некоторое время он просто ходил, изредка касаясь пропыленных корешков – слуг в доме было вчетверо меньше обычного, и не оттого, что род Красного Золота обеднел, но потому, что Виттара раздражала суета, которая была бы неизбежна. Он уже привык к тишине дома, которая многим казалась зловещей, и некоторому запустению.

Родовой особняк в отличие от хозяина умел ждать.

Но и он в последнее время как-то резко постарел. Побелевшие оконные стекла, словно затянутые бельмами глаза, больше не пропускали свет. Неподъемны стали веки тяжелых гардин. Скрипел паркет, трещины ползли по стенам, разрезая каменные пласты отделки. И вездесущая пыль, будто седина, покрывала вещи. Дом сдавал комнату за комнатой и стонами, вздохами жаловался призракам на хозяйское равнодушие.

Слуги же, улавливая его настроение, не спешили помогать старику.

Конечно, будь жив степенный Мангстрэйм, бессменный мажордом, он не допустил бы подобного произвола. Но Мангстрэйм ушел, следом за ним – и его супруга, пятьдесят восемь лет служившая при доме экономкой, а Виттар так и не удосужился найти замену.

Впрочем, он и не пытался: не до того было.

Виттар заставил себя остановиться перед зеркалом, чья поверхность помутнела. Отражение выглядело расплывчатым, словно бы по ту сторону стекла стоял призрак, и спокойно расстегнул все восемнадцать пуговиц на кителе.

Пуговицы были квадратными и неудобными, с трудом проходившими в узкие петли, оттого простейшее действие это требовало полной сосредоточенности. Китель он аккуратно повесил на спинку кресла, поправил лацканы и манжеты. Пригладил волосы.

Успокоение не приходило.

И контроль над собственным телом давался с трудом. Живое железо стучало в виски, требуя свободы. Враг. Нужен враг.

Кровь. Смерть.

Охота.

След, чтобы яркий и по земле. Погоня. Бег, который закончится схваткой. И скрежет когтей по стальной броне. Визг добычи. Треск плоти в тисках челюстей.

Агония зверя.

Или не совсем зверя.

Живое железо требовало свободы. Ненадолго... ведь легче станет, если Виттар поддастся, послушает себя, позволит то, на что имеет полное право.

Не бешенство – он же не теряет разум, вполне отдает себе отчет во всем, что собирается делать, – но справедливая месть. Жизнь за жизнь. Честный размен.

Чья жизнь?

Какая разница. Главное, что не одна. Одной недостаточно.

В этом и дело, что никогда не будет достаточно. И Виттар не без труда подавил шепоток железа. Здесь ли, разрешенная, либо же за Перевалом, но охота не принесет ничего, кроме усталости и эйфории, которые продлятся несколько дней, напрочь лишая способности мыслить разумно. В нынешних же обстоятельствах данная способность была необходима.

Самоконтроль спас в Каменном логое.

Позволил удержаться на краю после того, как крепость Гримхольд пала. И позже, когда стало ясно, что Оден жив, и все четыре с половиной года. И допустить срыв именно сейчас?

Невозможно.

Виттар заставил себя навести на столе порядок. Разложив стальные перья по бархатным гнездам, он вернул ножи для бумаг в футляр и выровнял стопку бумаг – кажется, счета с позапрошлого месяца лежат, а у Виттара не доходят руки. Последним действием – пересчет камней на циферблате старого брегета, давным-давно потерявшего точность хода.

Ни один часовщик не брался чинить брегет, хотя деньги Виттар предлагал немалые, но... слишком старая, чересчур ценная вещь.

Вдруг да совсем сломается?

С прошлого раза минутная стрелка сдвинулась на четверть круга. Даже медленное, время уходило. И Виттар захлопнул крышку: пришла пора заняться делом.

Крайт явился по вызову незамедлительно. Хороший щенок, молодой, не в меру наглый, но даровитый, что подтверждает собственную теорию Виттара о выемках. Появившийся на свет от незаконной связи, Крайт был сильнее человека, но в то же время несоизмеримо слабее любого пса. Живого железа в нем хватало на то, чтобы перекинуться, но броня получалась мягкой, тонкой, как кожа. В отличие от кожи броня рвалась и уже потом, на откате, оставляла глубокие раны.

И плечи Крайта пестрели старыми и свежими шрамами.

Вот и сейчас рука на перевязи, и, судя по скрюченным пальцам, рана отнюдь не пустяковая. Левая половина лица заплыла, даже нельзя сказать, один синяк или несколько. На шее – свежий шов, почти рядом с яремной веной. Повезло ему. В очередной раз повезло.

– Доброго дня, райгрэ Виттар, – не слишком-то бодро произнес Крайт и мазнул ладонью по распухшему носу.

Мальчишка.

Как есть мальчишка. Невысокий, тощий и угловатый, Крайт буквально притягивал неприятности. От людей ему достались мягкие черты лица, веснушки и ярко-рыжие, выгорающие на макушке волосы, которые, ко всему, торчали дыбом – гребни Крайт вечно терял, даже тот, который Виттар самолично повесил ему на шею. И вроде шнурок был прочным, но к концу дня гребня не стало.

Со столь же завидной регулярностью исчезали пуговицы с жилета, восковые карандаши, которые Крайт предпочитал прочим, грифели, линейки, ножи, ножницы и вообще всякие небольшие предметы, оказавшиеся вблизи щенка.

Причем происходило это безо всякого злого умысла с его стороны.

– Опять? – Виттара дразнил запах свежей крови и ланолиновой мази, которую Крайт предпочитал всем прочим.

– Ну... оно само вышло. Тот первым начал и...

В драки Крайт ввязывался с завидным постоянством, все пытаясь доказать кому-то, что достоин зваться псом. Он ведь вышел из Каменного лога, верно? Это ли не лучшее свидетельство... и если раньше Виттар смотрел на забавы сквозь пальцы, то в этот раз испытал желание взять щенка за горло.

Сколько раз ему было говорено, чтобы не лез туда, куда не просят?

И вот теперь, когда его талант нужен как никогда, Крайт не сможет работать в полную силу.

– Я больше не буду. – Крайт чувствовал настроение. – Мне жаль, что я вас подвел.

– Да. Свободен.

Есть другие нюхачи, пусть и не такие чувствительные...

– Я сумею... – Уходить Крайт и не думал. – Пожалуйста, поверьте, я сумею. Это ерунда. И не помешает. Я привык к такому и... сделаю, что скажете. Все сделаю.

И голос жалобный.

Здоровая щека покраснела, скрывая ржавчину веснушек.

– Вы же ничего не потеряете, если я попробую. – Крайт судорожно сглотнул. – Райгрэ Виттар, вы же знаете, что лучше меня никого нет!

Это было правдой. В противном случае Виттар не стал бы возиться с беспокойным щенком.

– И... и у меня появилась идея. – Он посмел поднять взгляд, но тотчас опустил, всем видом выказывая раскаяние и готовность понести любую кару. – Мы неправильно ищем.

Последняя фраза была произнесена шепотом. Впрочем, вряд ли кто-нибудь, кроме Крайта, посмел бы сказать Виттару в глаза, что он что-то делает неправильно.

– Продолжай.

– Вы... мне сказали посмотреть на тех, кто вышел... оттуда.

И Крайт исполнил приказ. Когда он вернулся, то заперся у себя и просидел три дня, а щека дергалась с неделю. Вымеси всегда испытывали трудности с самоконтролем. Еще одна причина, почему Виттар должен себя сдерживать.

– В них не осталось живого железа.

Это Виттар знал.

– Их... суть изменилась. – Теперь Крайт говорил осторожно, тщательно подбирая слова. Пальцы здоровой руки поглаживали больную. А рубашка снова мятая и в пятнах. Жилет расстегнут, зато широкие кожаные подтяжки подняли штаны едва ли не до подмышек. – Она стала более...

– Человеческой?

Теперь раздражение вызывала медлительность.

Ну и носки ярко-красного цвета. Виттар знать не желал, где это недоразумение их выискивает.

– Нет. Скорее детской. Упрощенной. Такой, которая бывает до пробуждения. До Каменного лога.

– И когда ты понял?

Крайт понурился:

– Сегодня. Я знал, что с ними. И знал почему. Это мешало видеть. А сегодня я проснулся...

Наверняка с головной болью, ноющим телом и ощущением совершенной ошибки, за которую придется ответить. Задница предчувствовала очередную порку, побуждая голову к поиску альтернативных решений.

– ...и сообразил. Простите, райгрэ Виттар. Я виноват.

Не он один. Самому Виттару следовало бы сообразить: очевидный же факт. И нет ничего хуже очевидных фактов, которые до того очевидны, что задуматься над ними не приходит в голову.

– Если внести поправки... я взял на себя смелость...

– Идем. И если ты еще раз влезешь в драку, то сюда не возвращайся. Ясно?

Крайт кивнул.

Принял ли угрозу всерьез? Или опять мимо ушей пропустил, задумавшись над свежим аспектом старой проблемы?

Карта занимала половину стены. Она была настолько подробна, насколько это возможно, и все четыре года Виттар вносил изменения.

Алые мазки жил, сплетавшихся в одну сеть, питаемую Каменным логом. Драгоценные камни городов, поселений и костяные метки крупных усадеб. Дороги. Реки. Линия предгорий. Черная метка – Гримхольд и возрождающийся Перевал. По другую сторону – земли детей лозы.

Гранитные тени Холмов. Изрезанная линия побережья и морская лазурь, за которой скрываются Затерянные острова. При мысли о них руки сжались в кулаки, и живое железо поспешило воспользоваться слабостью. Острые шипы пробили кожу, сплетаясь в тонкую кольчужную броню.

Контроль.

Виттар не имеет права на слабость.

Итак, семьсот шестьдесят три поселения, которые можно условно отнести к городам. Вряд ли бы Мэб снизошла до деревни. И свидетелей не так много – а свидетели нужны, иначе эта месть будет лишена смысла, и ненависти к псам там не испытывают.

– Погаси те, где население превышает десять тысяч. – Виттар разглядывал карту, пытаясь понять, что еще он упускает.

Королевские эмиссары первым делом займутся крупными городами, где и без того уже имеются стационарные гарнизоны. Но Мэб это предвидела бы, как и то, что вряд ли власти захотят проблем с детьми Камня и Железа. Нет, в крупном городе беспризорного пса посадили бы под замок, а затем передали бы своим. Там понимают, что перемены неизбежны...

Яркие точки осыпаются искрами.

– Теперь убери те, которые в пределах пятидесяти лиг от границы. – С одной стороны, там накал эмоций выше, с другой – королевские полки его уравнивают. – А теперь те, что на побережье. – За отправкой кораблей наблюдают. – И сами холмы... радиус дай миль десять.

Осталась широкая полоса. И городов – полторы сотни, меньше, чем было, но больше, чем можно прочесать.

– Я справлюсь, – упрямо повторил Крайт, вытягивая обе ладони к карте. Раненая рука слушалась с трудом, и Крайт несколько раз сжал и разжал пальцы, разгоняя кровь. Он начал раскачиваться, переваливаясь с ноги на ногу. Смысла в этих движениях не было, но Крайт утверждал, что так ему легче сосредоточиться.

Мальчишка.

Но талантливый до безумия. И он такой не один. Вот только какой прок с таланта, если за спиной нет опоры рода? Один шанс – прибиться к чужому дому. И ведь прибивались, приживались как-то, подпитывая истоки родовых жил свежей кровью. Но сейчас чужаков особенно не любят.

Оттого и смотрят на Крайта искоса, а когда снисходят до того, чтобы заметить, дело заканчивается дракой. И бестолочь эта не понимает, что любая из схваток может последней оказаться. Его унижали. Калечили, наказывая за наглость, но оставляли в живых, понимая, перед кем придется отвечать за смерть. Только однажды кто-нибудь поддастся искушению.

Дичающих много.

Злых и зубастых – и того больше. А талантливых, чтобы по-настоящему, чтобы дар и умение, – единицы.

Запереть его, что ли, пока не поумнеет?

Ладони Крайта скользили над картой, то расходясь, то смыкаясь над каменной грудой холмов, словно бы желая скрыть ее от глаз Виттара. И вновь размыкались, выворачивались, зачерпывая невидимые нити. Дергались пальцы и уголки губ, причем левый полз вверх, а правый опускался. Из носа потянулась струйка крови, а заплывший глаз вдруг прорезался.

Виттар налил вина, добавил два куска сахара и щепоть корицы, размешал и нагрел.

И когда мальчишка – он действительно старался, выложившись до капли, не из страха, не из желания угодить, но потому, что мог, – покачнулся и начал оседать, Виттар подхватил его.

Кресло стояло рядом.

– Райгрэ, я... – Губы все еще дергались, и речь была нечленораздельна.

– Пей. – Виттар поднес к губам кубок.

Первый глоток Крайт не сумел удержать, вино потекло по губам, щекам, шее. Крайт попытался вытереться, но руки не слушались. Частичный паралич – нормальное явление, и оба знали, что он пройдет.

– Глотай. – Вино приходилось вливать меж сведенных судорогой губ. И Виттар, честно говоря, опасался, что однажды его подопечный попросту подавится.

На этот раз обошлось.

– От холмов. Круги. Возмущения. На рассвете. Сильное – к побережью. Альяро.

Королева Мэб последней взошла на корабль. А с нею – свита. И каждый из них – сам по себе источник.

– Второе по силе – Крымш.

Городок в сорока лигах от Холмов.

– Но по форме и характеру, – с каждым словом Крайт говорил все лучше, – похоже на отраженное эхо первого выброса. Почти полное соответствие контура в зеркальном преломлении.

Виттар кивнул, показывая, что понимает.

– Есть еще следы...

...которые для большинства королевских нюхачей затерялись бы в шуме первичного выброса, на что Мэб и рассчитывала.

– Вот. – Крайт взмахом руки нарисовал три десятка векторов. – Цвет соответствует яркости, но, – мальчишка выглядел довольным, – если убрать те, где чувствуется след живого железа... – которого в Одене не осталось, – то в итоге...

Пять точек. Города. Похожи друг на друга, как близнецы. Равноудалены от границы и побережья, от крупных городов, от военных гарнизонов. Население в пределах трех – пяти тысяч, преимущественно люди. Впрочем, после лагерей и чисток можно с уверенностью заявить – люди.

Три из пяти возникли на торговых путях. Один – близ карьеров, где добывали белую глину. И один – на болотах... Все пять отличались преданностью короне Лоз и Терний.

И вряд ли были счастливы поражению в войне.

В каждом из этих пяти городков пса убьют быстро и жестоко.

Но Оден был жив. Почему? И как долго продлится это везение? Виттар надеялся, что его хватит до прибытия поисковых отрядов. Он не собирался отвлекать королевских эмиссаров, имелись собственные люди.

Пять точек.

Пять контуров переноса. И родовой жилы хватит, если создавать узкие коридоры, ограниченные по времени существования. Часа три-четыре... мало.

Значит, цеплять якорь придется как можно ближе к городу.

В крайнем случае всегда остается вариант возвращения стандартным способом.

- К утру я расчеты сделаю. И контуры набросаю. Останется только открыть...

К утру? Слишком долго, но торопить нельзя. Ошибка в расчетах грозит обвалом коридора или вообще спровоцирует каскад с взрывом в финале. Нет, свою работу Крайт сделает без понуканий.

- Райгрэ, - Крайт допил вино и привычно обнаглел, - вы пойдете?

- Не знаю пока.

Его тянет отправиться по ту сторону хребта, не отпускает мысль, что именно Виттар поймает нужный след, он ведь брат, он почует, узнает, услышит по голосу крови, но... эмоциям не стоит поддаваться. Способностями Крайта Виттар не обладает.

Его задача в ином.

Кто-то должен отвести энергию жилы. И контролировать наполнение.

А потом? Ждать?

- Посмотрим. Если хватит сил. - Мальчишка заслужил ответ.

- А я?

- А ты... - Не хотелось бы рисковать. - Куда хочешь?

Крайт не глядя ткнул в карту, и из пяти огоньков остался один.

- Почему?

- Не знаю, - ответил он. - Просто... название смешное.

Он густо покраснел, стесняясь того, что выбор его обусловлен такой мелочью, неуместной в подобных обстоятельствах. Но... не все звуки разум слышит отчетливо.

И Виттар посмотрел на городок, раздумывая о том, что, возможно, имеет смысл возглавить именно этот отряд. В конце концов, стабилизированная жила в особом контроле не нуждается. А Виттар просто проверит, глядишь, на месте тот самый звук, который привлек внимание Крайта, хотя и не на уровне разума, зазвучит яснее.

Глава 6

О войне и мире

Мироздание соизволило мне улыбнуться, что было довольно-таки подозрительно. Мой жизненный опыт подсказывал, что за каждой такой улыбкой следует хороший пинок, и, вместо того чтобы радоваться жизни, я мысленно нащупывала пути к отступлению.

Уходить придется по воде: лесу я не настолько доверяю, точнее, не доверяю совершенно. С него станется вывести на след собак, обычных, четвероногих, за которыми, как правило, идут всадники с арбалетами, копьями и желанием потешить душу хорошей травлей. И если одна я с легкостью избавилась бы от такого сопровождения, то пес все осложнял.

Хорошая мишень. Большая. Неповоротливая...

Безопасная для охотничков.

Нет, может, конечно, повезет и все обойдется, но... уходить лучше по воде.

Она же подсказала путь.

Ручей не исчезал, но, наполняясь силой подземных родников, расширялся и превращался в полновесную речушку с топким илистым дном и неторопливым течением. Вода шептала о том, что дальше речушка разбивалась на рукава, поила землю без леса и пряталась под камнями. Там же, набравшись глубинного жара, выносила на поверхность мертвую бурую землю, горячую и едкую.

Полагаю, речь идет о серных источниках, которые, если я правильно помню, должны быть южнее. Почти по пути... Сера воняет, и собаки будут бесполезны. Моему псу тоже придется нелегко, но тут уж потерпит как-нибудь.

Одно меня смущало. Вода говорила, что до источников «далеко», а в ее понимании это означало от нескольких лиг до нескольких десятков лиг, которые придется преодолеть мало того что пешком, так и по открытой местности.

Мироздание помалкивало, не спеша облегчить мне работу.

Оно и так было добрым.

На топком берегу, под молодой порослью мучного ореха, я и вправду выкопала полторы дюжины прошлогодних плодов, крупных, с мой кулак, в плотной осклизлой коже, которая на солнце быстро подсыхала и трескалась. А в силки попался заяц.

– С чего вдруг такие подарки? – поинтересовалась я у леса.

Он не ответил, только уронил на волосы сережку вяза.

Зайца я освеживала на месте, закопав шкуру и потроха в кучу листвы: лес имел право на долю в добыче. И цепочка муравьев тотчас устремилась по кровяному следу.

Мясо – это хорошо... Мяса я и сама давненько не видела. С последнего хутора, кажется, где со мной расплатились салом, колечком сухой домашней колбасы и

связкой сушеных лещей. Когда это было? Не помню. В лесу все дни похожи друг на друга, и легко заблудиться во времени.

Калужница как раз зацветала... и дождь шел. Точно, дождь помню распрекрасно и то, как пожилой хозяин хутора уговаривал остаться на ночь. Темно было, слякотно снаружи, а при доме аккурат баню растопили, и местечко мне на самой печи обещано было, теплое...

Он говорил и руки потирал, красные, растрескавшиеся. И медное колечко почти слилось с выдубленной кожей, вросло в плоть.

Я на колечко и глядела.

А потом вдруг поймала на себе цепкий жадный хозяйкин взгляд и передумала оставаться. Женщин куда сложнее обмануть, особенно таких, которые долго живут при лесе и научились слушать.

Останавливать не посмели.

Конечно, может, люди и вправду решили проявить доброту, но лучше ночь помокнуть, чем очнуться в погребке... а то и вовсе на поле.

Весна – удачное время для ритуалов.

А вот колбаса была хорошей, с чесноком и тмином... жаль, закончилась быстро.

Завернув тушку в листья лопуха, я занялась травами, которые лес любезно подсовывал под руки. Дуб, ромашка... чистотел вот. И чабрец, из которого выйдет чай. Пара веток прошлогодней брусники с красными ягодами. Полынь, душица... медвяника только-только зацвела, созывая пчелиные рои. И даже редкий, не по сезону выбравшийся белокрестник, чьи мясистые побеги я выкапывала руками. Лучше нет средства от кожных язв, чем сок белокрестника.

И чем дальше, тем отчетливей становилось понимание: уходить придется быстро.

Лес презрительно молчал.

Но в привычном его шелесте не было звуков иных, непривычных, которые предупредили бы о близкой опасности. И пес никуда не исчез. Уж не знаю, боялась ли я подобного поворота дел или же надеялась на него, но Оден сидел в гнезде и, вытянув перед собой руки, сжимал и разжимал пальцы, вращал кистями, сгибал в локтях, осторожно поводил плечами, заново свыкаясь со своим телом.

Ему самому не нравилась собственная беспомощность.

- Эй! - Я подала голос, но опоздала на долю секунды: пес уже повернулся ко мне. Почуял? - Это я. Вернулась.

Пес втянул воздух и на выдохе произнес.

- Кровь? Рана?

- Заяц.

Кивок.

- В сумке - тина?

- Это мучной орех, но он в тине был, так что да, тина.

- И трава?

Сам он трава. Впрочем, для псов все, что зеленое и растет, - или трава, или куст, или дерево. Нюансы их интересуют мало.

- Стой, - велел Оден.

Надо же, только-только в себя приходиться стали, а уже командуем. Ну да привычка - не железо, из крови не выплывишь. Пес поднялся и направился ко мне. Он ступал медленно, останавливаясь на каждом шаге, поводя головой, принюхиваясь. Слепой? Забыла, Эй, что у него другое зрение имеется.

- И как? - поинтересовалась я.

С такой скоростью мы далеко не уйдем...

- Сложно. Будет лучше. Надо привыкнуть.

Оден остановился в шаге от меня и протянул руку, да так и застыл с растопыренной пятерней, ожидая ответа. И я ответила прикосновением. Странно. Ладонь к ладони. Его - огромная и теплая, мои пальцы едва достают до края. И выглядят такими нелепо-хрупкими. Палочки. И вспухшие узлы связок.

Я сильная, иначе не выжила бы, а тут...

Оден осторожно сжал руку и наклонился.

А ладонь грязная... в заячьей крови, которая осталась под ногтями, в земле, в травяном соке... наверное, я принесла все ароматы леса.

- Серебро. Вереск. Мед. Хороший запах.

Вот так просто? По запаху? Мама и вправду по одной линии из серебряных была. А папа вересковый мед варил...

- Разрешешь?

Пальцы коснулись щеки.

Любопытный, значит. И мне самой на его месте было бы интересно. Но есть нюанс, промолчать о котором не выйдет.

Я высвободила руку и предупредила:

- Не думаю, что тебе понравится. Во мне есть кровь альвов.

Уточнять сколько, не станем.

– Я понял. Лес. Слышишь. Альв. Люди нет. Мы нет.

Выходит, без подсказки додумался. И как дальше быть? Оден все еще ждал разрешения.

– Я помню. Ты помогаешь. Не выживу. Не трону.

Что ж, если так, то пожалуйста...

Оден не спешит.

Подбородок. Губы. Нос. Линия бровей. Ресницы трогает осторожно, кажется, боится причинить мне вред. Гладит волосы, внимательно ощупывает уши, наверное, пытаюсь определить, сколько же во мне чужой крови. Хмурится. Переключает внимание на шею... А вот под рубашку лезть не стоит.

– И как? – Я перехватываю его руку и отвожу в сторону.

– Не складывается.

Для этого опыт нужен. Наверное. Я плохо представляю, что такое слепота, пожалуй, это страшно. Но... пусть я буду девушкой без лица, чем той, чей вид вызывает отвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/karina-demina/nevesta>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)